

ЭЛБАКЯН Е.С.

доктор философских наук, профессор

(Москва, Российская Федерация)

ЗНАЧЕНИЕ НЕЗАВИСИМОЙ РЕЛИГИОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Когда я заполняла анкету для получения визы на въезд в США, в ней был вопрос, который звучал примерно так: «Участвовали ли Вы в качестве чиновника, в любых формах, в нарушении права на свободу совести и религиозную свободу?». На первый взгляд очень удивительный для такого рода документа вопрос, спустя некоторое время показался мне отнюдь не случайным.

Дело в том, что административные нарушения религиозной свободы в современной России перешли все границы допустимой погрешности. Они стали систематическими и столь распространенными, что со всей очевидностью бросаются в глаза уже и мировому сообществу.

Казалось бы, в современной России имеются все необходимые механизмы осуществления демократической религиозной политики: Конституция РФ, ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях (1998), Экспертный совет по религиоведческой экспертизе при Министерстве юстиции РФ. Однако практика реальной политики государства в религиозной сфере указывает на то, что эти механизмы либо не работают вообще, либо работают, но не так, как того требует само же российское законодательство. Судебные процессы над «Бхагавад-гитой» как, якобы, экстремисткой литературой (г. Томск), над рядом книг Л.Р. Хаббарда – основоположника Саентологии (в нескольких городах России), над журналами Свидетелей Иеговы и самими верующими, обвиняемыми в якобы экстремисткой деятельности по 282 статье Уголовного кодекса РФ (например, дело Александра Калистратова в Горно-Алтайске, Максима Калинина в Йошкар-

Оле, Е.В. Григорьевой –в Ахтюбинске Астраханской обл., группы из 17-ти Свидетелей Иеговы в Таганроге) и др. являются надуманными, прямо нарушающими право верующих, как правило, принадлежащих к религиозным меньшинствам, исповедовать свою религию, выступать с ее проповедью, вести миссионерскую работу, что гарантировано в России Конституцией РФ и соответствующими нормами действующего федерального законодательства. Такие системные нарушения Закона администраторами по причине безнаказанности стали демонстративными и с некоторых пор даже не подвергаются ими каким-то объяснениям или оправданиям.

Кстати мои личные наблюдения говорят о том, что наиболее законопослушными, как раз, являются члены тех религиозных организаций, которые преследуются чаще всего и не входят в официальный российский истеблишмент. Это представители Церкви Иисуса Христа Святых последних дней, Международного общества Сознания Кришны, Церкви Саентологии, Церкви Объединения Муна, Свидетели Иеговы и ряда отдельных протестантских церквей и деноминаций, а также групп так называемого альтернативного православия.

Актуальной для адекватности Закону российского судопроизводства в сфере государственно-религиозных отношений остается проблема научно-религиоведческой экспертизы. Дело в том, что в силу странного стечения обстоятельств, суды заказывают экспертизу, как правило, неспециалистам и, как часто позволяют убедиться дальнейшие события, выводы для таких «экспертов» формулируются заранее. Это приводит к необоснованным обвинениям в серьезных нарушениях религиозных организаций, религиозной литературы, отдельных верующих, основанным именно на такого рода «экспертизах». Можно предположить, что таким «странным стечением обстоятельств» являются политические задачи тех или иных политических групп в России. Но нельзя исключать и того, что причиной проблематичности проведения квалифицированной экспертизы для суда

является и отсутствие в стране такого института. Ведь, ни одной конкретной самостоятельной организации, которая объединила бы специалистов в области независимой научной, религиоведческой экспертизы в России нет.

При этом, существующий при Министерстве юстиции РФ Экспертный совет по государственной религиоведческой экспертизе, как нетрудно понять даже из его названия, заведомо не может считаться независимым, так как входит в структуру государства, интересы которого он и обязан поддерживать и защищать. О чем может говорить экспертиза такого совета, когда в судебных процессах с обвинением религиозных организаций в качестве одной из сторон выступает государственный обвинитель, думаю, всем понятно.

Пример с обвинением «Бхагавад-гиты» в экстремизме показывает всю абсурдность ситуации, когда у судов нет четкого представления о том, кто может быть экспертом, а кто – ни в коем случае нет. Прошлым летом ко мне обратились представители российских вайшнавов с просьбой помочь им проанализировать безграмотную, явно заказную, экспертизу. Я прочитала эту так называемую «экспертизу», где вывод об экстремистском характере книги «Бхагавад-гита как она есть» был сделан на основе призывов Прабхупады обязательно молиться богу Кришне, и пришла к выводу о некомпетентности ее авторов. Затем сформулировала заключение специалиста уже о самой этой «экспертизе», указав на ее сомнительный характер, прямые ошибки и ложные выводы. Аналогичную работу, со своей стороны, провел и профессор С.И. Иваненко. Судья был заинтересован в достоверной экспертизе и, хотя судебный процесс продолжался еще довольно долго, в итоге абсурдные обвинения с древней книги и комментариев к ней были все же сняты.

В мае этого года я выступала в качестве эксперта в суде г. Йошкар-Олы по делу Свидетеля Иеговы Максима Калинина, которого обвиняли в экстремизме потому, что он призывал молиться Богу Иегове. Могу сразу же сказать, что судья также оказался вполне восприимчивым к новым знаниям, очень внимательно слушал и записывал ключевые моменты моего

выступления, видимо, проясняющие для него ситуацию. Но следует отметить, что подобные прецеденты ставят судей в крайне неловкую ситуацию: будучи компетентными в уголовном праве и проводя процессы по делам, связанным с убийствами, разбоем, грабежами, они испытывают объективные сложности, когда приходится вести процессы, связанные с обвинениями в экстремизме религиозных организаций и их представителей, религиозной литературы просто потому, что судьи в этом элементарно не компетентны. На фоне общей религиоведческой безграмотности в стране это не удивительно. Вместе с тем, далеко не все из судей соглашаются на предложение адвокатов (стороны ответчика) о вызове в суд компетентных экспертов для прояснения реальной ситуации. Тогда они довольствуются и безграмотной заказной экспертизой, на основе которой выносят решения. Но это уже из области другой проблемы – проблемы административной зависимости судебной системы. Тогда как ученым исходить надо, все же, из того, что есть и честные судьи в стране.

В этой связи весьма актуальным для осуществления современного российского правосудия видится вопрос организации квалифицированной независимой религиоведческой экспертизы.

Независимая религиоведческая экспертиза должна носить строго научный характер и следовать определенным методическим стандартам.

Как отдельная отрасль научного знания, религиоведение возникает в парадигме классической науки, объективность и беспристрастность для которой являются важнейшими критериями научности. Ибо наука изучает только то, что существует само по себе и независимо от субъекта. Ее не интересует, почему это есть, что могло бы быть, что должно быть и насколько это «хорошо» или «плохо». То есть, строго говоря, при научном подходе сослагательных и аксиологических суждений необходимо принципиально избегать.

В целом, наука базируется на доказательстве, поэтому для нее имеет смысл только то, что можно подтвердить или опровергнуть. На сегодняшний

день научным сообществом признается ряд критериев научности, среди которых можно выделить следующие основополагающие принципы:

1. *Принцип верификации* (от лат. *verus* – истинный и *facere* - делать), в силу которого научным является только то знание, которое можно подтвердить. Этот принцип был предложен Бертраном Расселом.

2. *Принцип фальсификации* (от лат. *false* – ложь и *facere* - делать), в силу которого только то знание является научным, которое изменить: опровергнуть или дополнить. Этот принцип предложен Карлом Поппером.

3. *Принцип объективности* - постулирования того, что принадлежит объекту и не зависит от субъекта, то есть тех явлений или процессы, которые не зависят от воли или желания познающего субъекта (отдельного ученого или научного сообщества).

4. *Принцип рациональности* (от лат. *ratio* - разум). **Рациональность** - относящееся к разуму, обоснованность разумом, доступное разумному пониманию, в противоположность **иррациональности** как чему-то неразумному или недоступному разумному пониманию.

5. *Принцип методичности* - последовательность логических процедур, заранее нацеленная на достижение определенной цели.

6. *Принцип истинности*, под которым подразумевают соответствие знания (шире - информации) познаваемому предмету (шире - объекту). На основе признака истинности формулируется дополняющий его признак **предметности** знания, а именно: всякое знание должно быть знанием предметным, то есть характеризоваться отношением к существующему вне него познаваемому, ибо если нет познаваемого, то нет и знания.

7. *Принцип системности*: только та информация является научной, которая должным образом структурирована. Структуризация позволит легко определять ее роль и место в общей системе знаний, т.е., обеспечивает возможность поиска нужной информации.

8. *Принцип изменяемости частей*: только та информация является научной, составные части которой можно изменить, т.е., опровергнуть или дополнить.

9. *Принцип интерсубъективности* выражает свойство общезначимости, общеобязательности, всеобщности знания (шире - информации) в отличие, например, от мнения, характеризующегося необщезначимостью, индивидуалистичностью.

10. *Принцип аксиологической нейтральности*, предполагающий недопустимость вынесения оценочных суждений об исследуемом объекте.

В ряду различных типов экспертиз – лингвистической, психологической, искусствоведческой и др. важное место занимает религиоведческая экспертиза. Ключевым принципом научной религиоведческой экспертизы является объективность, реальное достижение которой возможно лишь на позиции интерсубъективности и аксиологической нейтральности.

Рассматривая общенаучные принципы применительно к религиоведческой экспертизе, необходимо обратить внимание на следующий факт: только в случае применения общенаучных принципов при подготовке экспертных заключений, можно говорить о *действительно религиоведческой экспертизе*. Поскольку религиоведение – наука, отвечающая всем критериям научности, постольку религиоведческая экспертиза не может быть ни вненаучной, ни, тем более, антинаучной. При ее осуществлении эксперт обязан руководствоваться в совокупности? принципами верифицируемости, фальсифицируемости, объективности, рациональности, методичности, истинности, системности, изменяемости частей, интерсубъективности и аксиологической нейтральности.

Рассмотрим «работу» этих принципов на конкретном примере. Например, необходимо сделать экспертное заключение на тему, является ли некая община, провозглашающая себя религией, религиозной организацией. Помимо анализа ее правоустанавливающих документов, мы, применяя

принципы научности, осуществляем религиоведческую экспертизу в соответствии с принятым в современном религиоведении пониманием: а) структуры религии; б) типологии религиозных организаций; в) классификации религий.

С позиций современного религиоведения, всем развитым религиям свойственна единая в принципе структура. Она включает в себя четыре основных элемента:

- Религиозное сознание;
- Религиозная деятельность;
- Религиозные отношения;
- Религиозные организации.

Рассматривая классификацию религий, мы также выделяем ряд признаков тех или иных классов религий и строго в соответствии с их наличием, независимо от личных симпатий и антипатий, относим ту или иную религию к ранним религиозным верованиям, к этно-локальным (народностно-национальным), мировым религиям или к новым религиозным движениям.

Так известно, например, что этно-локальным религиям свойственны политеизм, сложная обрядность с присущими ей жертвоприношениями, наличие профессионального жречества и т.д. В отличие от этого класса религий, мировым религиям свойственны универсализм, эгалитаризм, отмена сложных обрядов и жертвоприношений и т.д.

Аналогичным образом при типологии религиозных организаций, используя знания в сфере социологии религии и анализируя те или иные черты религиозной организации, мы относим ее к церкви, деноминации или секте. Как и в случае религиоведческой экспертизы, мы применяем здесь научные принципы:

Верифицируемость – проверяем религиозную организацию на наличие в ней всех элементов религиозного комплекса – религиозного сознания,

религиозных отношений, религиозной деятельности и религиозной организации как таковой.

Фальсифицируемость – мы подразумеваем, что полученное нами знание, может видоизменяться и дополняться с учетом развития данной религиозной организации.

Объективность – наши представления о конкретной религиозной организации совпадают с ее основными свойствами и характеристиками. Мы ничего не придумываем, не приписываем ей и не умалчиваем ни о каких ее свойствах.

Рациональность – перед нами стоит определенная задача, которую мы решаем путем процедур, в основе которых лежат принципы формальной логики.

Методичность – мы логично и последовательно достигаем поставленной перед экспертным исследованием цели.

Истинность – в экспертном заключении мы представляем наши знания о данной религиозной организации соответствующими состоянию и функциям этой религиозной организации.

Системность – в экспертном заключении информация должна быть четко структурирована, что позволит сразу же определить то или иное свойство и характеристику религиозной организации.

Изменяемость частей предполагает возможности дополнения информации, содержащейся в экспертном заключении или замены каких-то его отдельных частей при сохранении целого, то есть общих выводов.

Интерсубъективность экспертного заключения указывает на то, что содержащаяся в нем информация о религиозной организации является общезначимой и свободной от личного мнения

Аксиологическая нейтральность, тесно связанная с интерсубъективностью, предполагает устранение субъективных пристрастий эксперта, а также констатацию и анализ конкретных фактов, свойств,

отношений, характеристик религиозной организации. То есть предполагает некую элиминацию (устранение) субъекта (эксперта).

Ученый-религиовед будет следовать данным принципам при составлении экспертного заключения имплицитно, даже если они им не прорефлексированы специально. То же относится ко всем аспектам религиоведческой экспертизы, о которых говорится в **приложении 1 к Приказу Министерства юстиции Российской Федерации от 18 февраля 2009 г. № 53 «О государственной религиоведческой экспертизе»**. Так, в данном документе указывается, что «объектами экспертизы являются:

а) учредительные документы религиозной организации, решения ее руководящих и исполнительных органов;

б) сведения об основах вероучения религиозной организации и соответствующей ему практики;

в) формы и методы деятельности религиозной организации;

г) богослужения, другие религиозные обряды и церемонии;

д) внутренние документы религиозной организации, отражающие ее иерархическую и институционную структуру;

е) религиозная литература, печатные, аудио- и видеоматериалы, выпускаемые и (или) распространяемые религиозной организацией»¹.

Нельзя не заметить, что довольно странным в названном документе выглядит, например, разделение пунктов *в* и *г*, ибо и то и другое, с позиций религиоведения, относится к формам деятельности религиозной организации – культовой и внекультовой. В пункте *б* идет смешение вероучительных текстов с культовой практикой, что, напротив, нуждается в разъединении и вынесении в отдельные пункты (основы вероучения необходимо объединить с пунктом *е* – религиозная литература, где, собственно, они излагаются, а практику присоединить к пункту *г*). Также, как можно объединить, в принципе, пункты *д* и *а*, как «мирские» документы организации. Только в

¹Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 18 февраля 2009 г. № 53 «О государственной религиоведческой экспертизе» // Сайт Министерства юстиции Российской Федерации // Режим доступа: <http://www.minjust.ru/>

таком случае, с позиций научного религиоведения, объекты исследования будут четко структурированы, то есть будут использованы принципы системности и рациональности.

Далее в приложении 1 к Приказу Министерства юстиции Российской Федерации от 18 февраля 2009 г. № 53 «О государственной религиоведческой экспертизе» читаем:

«4. Задачами экспертизы являются:

а) определение религиозного характера организации на основании учредительных документов, сведений об основах ее вероучения и соответствующей ему практики»;

Думается, что определение религиозного характера организации должно проводиться по другому основанию – насколько данная религиозная организация соответствует структуре религиозного комплекса и обладает всеми его элементами.

«б) проверка и оценка достоверности сведений, содержащихся в представленных религиозной организацией документах, относительно основ ее вероучения»;

Тут совсем непонятно, каким образом религиовед должен проверять «достоверность» сведений об основах вероучения религиозной организации, содержащихся в документах. То есть эксперт должен усомниться в том, что данная религиозная организация достоверно излагает основы своего вероучения, опираясь на сакральные тексты? Тогда как, на самом деле, она может иметь совсем иное вероучение, которое тщательно скрывает, не помещает ни в какие письменные источники и тайно передает «из уст в уста»?... Таким образом, и вторая задача сформулирована некорректно.

«в) проверка соответствия заявленных при государственной регистрации форм и методов деятельности религиозной организации формам и методам ее фактической деятельности».

Для исполнения этой задачи, видимо, необходимо «включенное наблюдение», которым пользовались антропологи и этнологи второй

половины 19 в., приезжая к туземцам Океании и Полинезии и десятилетиями изучая их магические приемы. В условиях современной цивилизации подобное не только вряд ли возможно, но откровенно неуместно.

«При проведении экспертизы могут быть разьяснены иные возникающие при осуществлении государственной регистрации и контроля за деятельностью религиозных организаций вопросы, требующие экспертной оценки»².

Последняя фраза слишком неконкретна и может быть истолкована по-разному, вплоть до диаметрально противоположных и взаимоисключающих трактовок, что, видимо, может быть удобно для свободного манипулирования таким основанием в тех или иных целях.

Таким образом, и объекты и задачи, сформулированные в приведенном документе Министерства юстиции РФ, не выдерживают критики с позиций научного религиоведения. Субъектом религиоведческой экспертизы, согласно тому же документу, является Экспертный совет по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции РФ, председатель и подавляющее большинство членов которого не являются религиоведами. Это своего рода «попутчики священного», которые, скорее всего, исходят из того, что раз они соприкоснулись в какой-то жизненной ситуации с религией, то уже постигли религиозный феномен во всей его многогранности и могут давать экспертные заключения, от которых зачастую зависит судьба не только религиозной организации как административной единицы, но и десятков и сотен тысяч верующих граждан.

Экспертный совет по религиоведческой экспертизе должен:

1. Быть независимым, а не государственным. Только в этом случае он может быть действительно не ангажирован и объективен

² Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 18 февраля 2009 г. № 53 «О государственной религиоведческой экспертизе» // Сайт Министерства юстиции Российской Федерации // Режим доступа: <http://www.minjust.ru/>

2. Состоять из религиоведов и юристов, специализирующихся в области государственно-религиозных отношений, стоящих на позициях объективности, толерантности, гармоничного единства в соблюдении общечеловеческих нравственных норм, тактичного отношения к верующим различных религиозных направлений, их ценностям, а также букве и духу закона. Только в таком случае экспертные заключения, рассматриваемые и утверждаемые таким составом Совета, будут корректными и имеющими вес в религиозном, юридическом и научно-религиоведческом сообществах. А, следовательно, и в просвещенном обществе в целом, где мнения экспертов будут вызывать уважение и восприниматься основанием для формирования беспристрастного отношения к объектам экспертных исследований.

Какие госорганы контролировали религиозную жизнь

В мае 1722 года Петр I учредил должность обер-прокурора при Святейшем синоде — светского чиновника, который выполнял в высшем коллегиальном органе РПЦ функции «ока государева». Первоначально обер-прокуроры выполняли функции наблюдателей, но со временем их влияние росло. При Николае I они получили право выступать с докладами в Комитете министров и Госсовете, фактически получив статус министров по делам церковного управления. Должность была упразднена в августе 1917 года, когда вместо нее Временное правительство создало Министерство вероисповеданий.

После революции был принят декрет об отделении церкви от государства, для реализации которого в апреле 1918 года создали Межведомственную комиссию при Наркомюсте, а затем VIII («ликвидационный») отдел Наркомюста (работал до 1924 года). Кроме того, в 1922–1929 годах существовала Комиссия по проведению отделения церкви от государства при ЦК ВКП (б). В 1929–1938 годах действовала Центральная комиссия по вопросам религиозных культов при президиуме ВЦИК СССР, занимавшаяся регистрацией религиозных объединений и антирелигиозной пропагандой. Некоторое время в 1930-х годах работала Комиссия для рассмотрения религиозных вопросов при президиуме ВЦИК.

В сентябре 1943 года по инициативе Иосифа Сталина был создан Совет по делам РПЦ, а в 1944 году — Совет по делам религиозных культов, курировавший другие конфессии. В 1965 году оба ведомства были объединены в Совет по делам религий при Совмине СССР, который просуществовал до 1991 года.

Работой с конфессиями традиционно занимались также спецслужбы. В ВЧК (с 1922 года — ГПУ, с 1923 года — ОГПУ) эти функции были возложены на Секретный отдел. В 1922 году в этом отделе было создано

специальное 6-е отделение, отвечавшее за выявление антисоветских элементов в православной церкви, других конфессиях и сектах. При реформе ОГПУ в 1931 году агентурно-оперативная работа в РПЦ и других конфессиях, борьба с антисоветскими религиозными сектами была возложена на 6-е отделение Секретно-политического отдела. В конце 30-х и 40-х годах XX века за «борьбу с церковно-сектантской контрреволюцией» и «мусульманским духовенством» отвечали соответствующие отделения сначала в Главном управлении госбезопасности, а затем — в 3-м (секретно-политическом) Управлении НКВД СССР. В 1946 году в составе МГБ СССР появился специальный отдел «О», занимавшийся духовенством. В КГБ религиозные организации курировал 4-й отдел 5-го (борьба с идеологическими диверсиями) управления.

В постсоветской России 9 июля 1994 года была создана Комиссия по вопросам религиозных объединений при правительстве, 24 апреля 1995 года — Совет при президенте РФ по взаимодействию с религиозными объединениями. Существуют также похожие координационные органы в Госдуме и Совете федерации.